

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ТОКЕНЫ

С. П. Протасовицкий

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
hello@prata.me*

Автор дает определение токенов и теоретическое обоснование права собственности на них. По его мнению, право собственности на токены не тождественно праву собственности на вещи. Он приходит к выводу, что право собственности на токены подлежит защите обязательственно-правовыми способами. Предложена презумпция права собственности на токены, основанная на подтверждении технической возможности распоряжения ими. Научная значимость результатов состоит в развитии теории объектов цифрового имущества и прав на них.

Ключевые слова: токены; криптовалюта; вещи; право собственности; владение; контроль; виндикация; блокчейн.

Выявление и решение проблемных вопросов права собственности на определенный вид объектов зависит от понимания сути этих объектов, в нашем случае токенов. Последние имеют легальную дефиницию, закрепленную в п. 12 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8: «цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой».

Как объясняет Л. Ю. Василевская, токен, будучи достаточно гибким цифровым инструментом, «дает возможность участникам цифрового гражданского оборота совершать в киберпространстве определенные (цифровые) действия (транзакции), прежде всего цифровые „сделки“» [1, с. 115]. Однако его правовая природа вызывает дискуссии.

По мнению Е. Н. Гладкой, «токены не могут быть отнесены к деньгам, в том числе электронным, ценным бумагам, иному имуществу, не признаются исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, а отнесение их к имущественным правам возможно лишь для целей налогообложения» [2, с. 60]. Под ними, полагает ученый, «следует понимать некий аналог деньгам или финансовый актив, представляющий собой цифровой ключ, с помощью которого осуществляется идентификация для доступа к определенному объекту» [2, с. 59–60]. О. М. Куницкая, устанавливая место токенов в системе объектов гражданских прав, видит их в «ином имуществе» [3, с. 36]. На взгляд О. В. Степанова и Д. Г. Цыганкова, токен заключает в себе «цифровой финансовый актив в виде единицы криптовалюты, структурно состоящий из строки (набора) сложных технических символов... и дающий его владельцу полномочия на объект имущественных гражданских прав в информационной системе» [4, с. 96].

С нашей точки зрения, токены – это объекты гражданских прав, создание, перевод и прекращение которых осуществляется в распределенной информационной системе посредством

цифровых (криптографических) технологий. В отличие от других объектов цифрового имущества, они существуют только в распределенной информационной системе. Она состоит из множества узлов, на каждом из которых хранится копия базы данных (файлов) системы.

Мы не можем согласиться с тем, что токены являют собой записи в информационной системе. Запись есть фиксация информации о токене, но не сам токен – нематериальный объект, обладающий меновой ценностью.

Согласно п. 3 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8, субъектам гражданского права токены принадлежат «на праве собственности или на ином вещном праве». Однако в цивилистической традиции объектом права собственности выступают только вещи, а токены, будучи нематериальными объектами, к вещам не относятся. Здесь мы фиксируем проблему квалификации субъективного права на токены. По нашему мнению, это все же право собственности.

Так, гражданский оборот предполагает принятие каждым его участником дихотомии «свое – чужое». Свое может естественно принадлежать субъекту (нематериальные блага гражданина от рождения) или быть результатом присвоения чужого. В присвоенности, на наш взгляд, состоит сущность собственности. Как пишет С. Н. Братусь, «собственность – это состояние присвоенности материальных благ» [5, с. 21].

Присвоенность – отношение субъекта и объекта (присвоенного), детерминированное их свойствами. Они зависят от основания (характера) присвоения. Юридические свойства, думается, связаны с правом собственности. Переводя на юридический язык отношение к средствам производства «как к своим», А. В. Венедиктов поясняет: «... „своими“ средства производства являются для того, кто может использовать их своей... властью и в своем интересе» [6, с. 35], а «в сочетании своей власти и своего интереса заключается специфическое отличие права собственности...» [6, с. 39–40]. Следовательно, на одной стороне отношения у нас субъект, имеющий право собственности, а на другой – объект, которому свойственно находиться в собственности. Порожденная юридическим фактом и указанными свойствами связь субъекта и объекта являет собой юридическую принадлежность (присвоенность) имущества, или собственность.

Любой токен может быть присвоен, равно как и стать чужим, потому он способен находиться в собственности. Его невещественный характер не препятствует этому. Согласно ст. VIII.-1:202 Модельных правил Европейского частного права, включенных в Проект общей справочной схемы (англ. Draft Common Frame of Reference), право собственности (англ. *ownership*) есть наиболее полное право на имущество (англ. *property*), а последнее «может быть движимым и недвижимым, телесным и бестелесным» (*пер. мой – С. П.*) [7, с. 563]. В соответствии с § 353 Всеобщего гражданского уложения Австрии «все, что принадлежит кому-либо, включая телесные и бестелесные объекты, именуется его собственностью» (*пер. мой – С. П.*). «Бестелесность, – пишет С. Глисон (S. Gleeson), – не является препятствием к нахождению в собственности...» (*пер. мой – С. П.*) [8, с. 13].

Отметим, в отношении своего имущества собственник вправе совершать не определенные действия, а любые, «не противоречащие... не наносящие... и не ущемляющие...» (ч. 1 п. 2 ст. 210 ГК). Очевидно, что содержание права собственности (круг возможных действий) зависит от его объекта. Поэтому право собственности на токены и право собственности на вещи имеют общие признаки, но не тождественны.

Функциональным аналогом владения в отношении токенов выступает контроль над ними, что нашло отражение в секции 12-105 Единообразного торгового кодекса США и

п. 6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. по цифровым активам и частному праву. Считается, что лицо контролирует токены, если имеет техническую возможность (1) извлекать выгоду от токенов, (2) препятствовать другим лицам в извлечении такой выгоды и (3) распоряжаться токенами.

Различие между правом на токены и правом на вещи проявляется в способах их защиты. Токены в отличие от вещей виндигировать нельзя. Полагаем, право собственности на токены подлежит защите обязательствам-правовыми способами: путем возврата неосновательного обогащения и взыскания убытков.

Между обладателем токенов и адресом в блокчейне, где они хранятся, должна быть связь, свидетельствующая о юридической принадлежности токенов этому обладателю. Однако в основе рождения токенов лежит идея сокрытия указанной связи. Как пишет разработчик биткойна, известный под псевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), «традиционная банковская модель поддерживает необходимый уровень конфиденциальности, предоставляя доступ к информации лишь сторонам и доверенному третьему лицу. Необходимость открытой публикации транзакций исключает такой подход, однако приватность по-прежнему можно сохранить, если публичные ключи будут анонимными. Открытой будет информация о том, что кто-то отправил кому-то некоторую сумму, но *без привязки к конкретным личностям (курсив мой – С. П.)*» [11, с. 6–7]. Отсюда возникает проблема публичности права собственности на токены. Мы видим следующее ее решение.

Каждому адресу в блокчейне соответствует приватный ключ. Обладание им обеспечивает контроль над токенами по данному адресу (техническую возможность распоряжения ими), что дает основания полагать наличие у контролирующего лица права собственности на токены. Подтверждением контроля может служить успешное совершение тестовой операции или подписание тестового сообщения.

Для контроля над токенами часто необходимо волеизъявление более чем одного лица (в современной практике нередко создают адреса, требующие использования нескольких приватных ключей, или прибегают к протоколу криптографического разделения ключа на доли). Кроме того, другое лицо может получить самостоятельный контроль над токенами, скажем, в результате предоставления ему кошелька с паролем, приватного ключа или мнемонической фразы. Тогда решение вопроса о личности собственника (собственников) зависит от условий соглашения контролирующих лиц и иных обстоятельств. В случае неправомерного получения контроля никаких прав и правомочий в отношении токенов не возникает. Следовательно, контроль не является достаточным основанием для признания права собственности на токены. Однако это не препятствует введению презумпции: лицо, подтвердившее в установленном порядке техническую возможность распоряжения токенами, находящимися по определенному адресу, признается, пока не установлено иное, собственником токенов по этому адресу. Для упомянутого подтверждения можно предусмотреть нотариальное действие – удостоверение технической возможности распоряжения токенами с выдачей нотариального свидетельства.

Изложенное применимо к тем случаям, когда известны личность и адрес, между которыми предполагается связь. При отсутствии сведений об одном из элементов требуется отыскать недостающий. Это актуально главным образом для публичного права.

Таким образом, токены – это объекты гражданских прав, создание, перевод и прекращение которых осуществляется в распределенной информационной системе посредством

цифровых (криптографических) технологий. Мы имеем догматические и теоретические основания утверждать, что субъективное право на токены есть право собственности, которое не тождественно праву собственности на вещи и подлежит защите обязательно-правовыми способами: путем возврата неосновательного обогащения и взыскания убытков. Считаем возможным ввести презумпцию: лицо, подтвердившее в установленном порядке техническую возможность распоряжения токенами, находящимися по определенному адресу, признается, пока не установлено иное, собственником токенов по этому адресу.

Библиографический список

1. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
2. Гладкая, Е. Н. Токен и криптовалюта в значении, определенном Декретом № 8: отдельные проблемы правоприменения / Е. Н. Гладкая // BENEFICIUM. – 2019. – № 1. – С. 53–66.
3. Куницкая, О. М. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь / О. М. Куницкая // Право.by. – 2020. – № 3. – С. 34–39.
4. Степанов, О. В. О формировании термина «цифровой знак (токен)» в юридической науке / О. В. Степанов, Д. Г. Цыганков // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2023. – № 6. – С. 92–98.
5. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
6. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М. : Статут, 2004. – Т. II. – С. 7–412.
7. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) : Outline Edition / ed. by C. von Bar and others. – Munich : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2009. – 643 p.
8. Gleeson, S. The Legal Concept of Money / S. Gleeson. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 224 p.
9. Накамото, С. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности / С. Накамото // Bitcoin Project. – URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 29.06.2025).